

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

Изъ весеннихъ пѣсень.

Стих. М. Соймонова.

I.

... Я открылъ глаза... хоть, право, я не знаю—
Наяву то было, или въ сновидѣньѣ,—
Но кругомъ сверкало все улыбкой мая,
Но изъ кущъ зеленыхъ раздавалось пѣнье.

Тѣни, какъ узоры въ золотистой сѣткѣ,
Изъ лучей сотканой, на стѣнѣ дрожали;
Въ окна протянулись молодая вѣтки,
Съ бабочками вмѣстѣ лепестки влетали.

Я открылъ глаза... И что же мнѣ за дѣло—
Наяву то было или въ сновидѣньѣ,—

Если отдыхали и душа, и тѣло
Въ сѣни изумрудной, въ сладкомъ упоеньѣ!

II.

Какъ звукъ въ степи, замрутъ въ моемъ уединеньѣ
Недуга злого стонъ и вопль душевныхъ мукъ,—
Но рой крылатыхъ грѣзъ и сонмъ благословеній
Пускай, какъ ласточки, летятъ къ тебѣ, мой другъ!

Пусть къ твоему они приникнутъ изголовью,
Когда забудешься въ безпечно-сладкомъ снѣ,
И стануть до зари нашѣптывать съ любовью
О счастья вымыслы и пѣсни о веснѣ!

ДОКТОРЪ КОСТАРЕНКО.

Повѣсть К. В. Тхоржевскаго.

(Продолженіе).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Антоновъ успѣлъ поправиться и выглядѣлъ теперь совсѣмъ молодцомъ. Войска, отбившіе уже смотры, предавались краткому, но тѣмъ болѣе пріятному отдыху передъ «вольными работами», увѣнчивающими обыкновенно конецъ лагерей.

Погода стояла превосходная, — какая рѣдко бываетъ у насъ осенью. Перелетныя птицы еще и не думали о своемъ путешествіи въ теплые края и наполняли собой

лѣса, поля, дуга и болота; кузнечики такъ и трещали своими щеткообразными ножками, а густая темно-зеленая, не начинавшая еще желтѣть листва деревьевъ казалась такой свѣжей, сочной—точно она только еще спустилась и ей суждено красоваться долгіе мѣсяцы.

Въ лагерѣ царствовала тишина и спокойствіе: люди, пообѣдавъ, отдыхали, а офицерство почти все разбрелось: кто въ городъ, кто на охоту.

Какой я былъ счастливый и не замѣчалъ этого, не умѣлъ наслаждаться спокойствіемъ души!.. Да, счастье въ спокойствіи, въ «благодушествіи»!.. Вспомнились ему опять слова дядьки, недавно приведенныя имъ теперь уже умершему Кротову. О, чего-бы я не далъ за то, чтобы вернуть прошедшее!.. Что-бы не было того!.. Господи, какъ-бы я оцѣнилъ!.. И какъ это случилось?.. Какъ могло случиться?! Боже мой, что со мной дѣлается?! Что со мной, — несчастнымъ, жалкимъ твореніемъ?! Какъ близко было счастье—я не видѣлъ его!.. За что?.. За что?.. Господи!.. И гдѣ все минувшее?.. Гдѣ Кротовъ?.. Зачѣмъ этотъ трупъ?.. Зачѣмъ эта страшная дыра вмѣсто рта? Ненадо этого!.. Ненадо!.. Прости меня, Господи!.. Кротовъ, голубчикъ, прости!..

«А Лиза? Лиза!.. Гдѣ Лиза? Что будетъ съ Лизой?.. Она возненавидитъ меня, я буду ей страшенъ!.. Гадокъ!.. Мерзокъ!.. Я убійца ея брата!.. Господи, это ужасно!.. Господи, сжался надо мной!..»

Еще больше завертѣлось все въ его головѣ, въ его глазахъ и онъ впалъ въ то состояніе, какое называется столбнякомъ.

Такъ прошло съ полчаса, когда позади него раздался трескъ переломленнаго сучка и изъ-за куста, начинавшей уже красѣть калины вышелъ Костаренко.

— А, вотъ онъ гдѣ! воскликнулъ Михаилъ Михайловичъ участливымъ тономъ; улыбки и помину небыло; все лицо его свѣтилось теперь тревогой, участіемъ и добротой; въ рѣчи его не было шамканья:—онъ говорилъ твердо, ясно, энергія слышалась въ его голосѣ; несмотря на его невзрачную фигуру, онъ былъ очень хорошъ въ эту минуту: онъ сбросилъ съ себя личину, которую такъ терпѣливо, долго носилъ вслѣдствіе причинъ, извѣстныхъ только ему одному, и явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—умнымъ, энергичнымъ, въ высшей степени добрымъ человекомъ, никогда не думавшемъ о себѣ, созданнымъ для того, чтобы жертвовать всѣмъ для каждаго встрѣчнаго.

Намъ скажутъ, что нѣтъ теперь такихъ людей, что Костаренко есть измышленіе празднофантазіи. Есть! отвѣтимъ мы увѣренно, ибо въ нашемъ военномъ быту встрѣчались неоднократно такіе типы. Что вырабатываетъ ихъ: условія ли военного быта, военной службы или еще что другое? — объяснить не беремся и довольны тѣмъ, что можемъ констатировать этотъ фактъ. Идея о безкорыстной преданности царю и отечеству до забвенія своихъ собственныхъ интересовъ, положенная въ основаніе военной службы; идея эта, безъ которой немислимъ порядочный солдатъ,—быть можетъ имѣетъ въ созданіи этихъ типовъ большое вліяніе...

— Вотъ онъ гдѣ!.. А я васъ искалъ повсюду!.. Насилу—насилу нашелъ!.. продолжалъ Костаренко, приближаясь къ Антонову.

Но тотъ не видалъ его, не слышалъ его словъ. Костаренко слегка ударилъ его по плечу—никакого впечатлѣнія.

— Эге!.. Вонъ она какая штука-то!.. промолвилъ Михаилъ Михайловичъ и до крови ущипнулъ ему руку. Антоновъ даже не вздрогнулъ. Михаилъ Михайловичъ пошарилъ у себя въ карманѣ, досталъ пузырекъ сивяго стекла и влилъ Антонову въ ротъ нѣсколько капелекъ какой-то жидкости. Антоновъ продолжительно вздохнулъ, точно проснулся отъ тяжелаго сна, повелъ вокругъ глазами и вдругъ ему сразу вспомнилось все... Въ воображеніи ясно, какъ въ зеркалѣ, мелькнуло опаленное, почернѣвшее лицо Кротова съ бессмысленными, какъ-бы испуганными остеклѣвшими глазами... и онъ, повалившись лицомъ въ траву, зарыдалъ какъ ребенокъ.

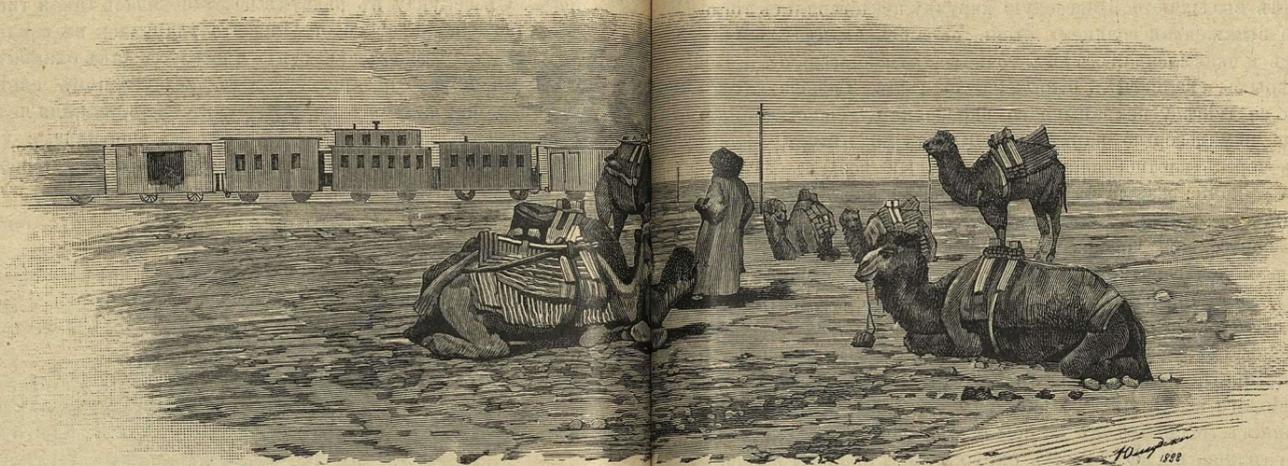
Костаренко сходилъ къ Волгѣ, зачерпнулъ воды въ свою штабъ-офицерскую кѣпи, примочилъ ему голову и приказалъ выпить немного воды. Антоновъ безропотно повиновался.

— Ну, и конецъ! заговорилъ Михаилъ Михайловичъ, всплескивая остатокъ воды на землю и садясь около Антонова.—Рюмить нечего: вы не нервная женщина, а мужчина. Случилась бѣда—дѣлать нечего; слезами горю не поможешь... О мертвыхъ жалѣть и поздно и бесполезно, — надо подумать о

живыхъ. Я слышалъ, тамъ офицеры говорили—у него сестра дѣвушка осталась?

— Да, осталась!.. Несчастливая!.. Что будетъ теперь съ этимъ ангеломъ!.. прерывающимся отъ рыданій голосомъ отвѣтилъ Антоновъ.

— И безъ всякихъ средствъ, говорятъ?..

Постройка Закаспійской желѣзной дороги.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги.

— Безъ всякихъ!.. На улицѣ осталась!.. У нихъ, кромѣ жалованья, получаемого Валерьяномъ, ничего не было!.. И родныхъ нѣтъ... Братъ былъ для нея—все!.. И какъ она любила его!..

— Вотъ объ этой-то барынкѣ и слѣдуетъ намъ съ вами подумать теперь. Надо ее устроить такъ, чтобы она въ матеріальномъ-то отношеніи, по крайней мѣрѣ, не чувствовала

особенныхъ лишеній; что-же касается смерти ея брата, то это уже дѣло не наше, а дѣло времени: она, разумѣется, поплачетъ о немъ сначала, даже, пожалуй, въ обмороки будетъ падать, если она нервна, а потомъ и забудетъ. Въ жизни, голубчикъ мой, все такъ дѣлается—это законъ природы. Къ тому-же барышня наша молода, на сколько я слышалъ—не-

— Да, дорогой мой, иногда надо быть философомъ... Подумайте-же сами—вѣдь вы во всей этой исторіи, такъ сказать, не болѣе, не менѣе какъ слѣпое орудіе судьбы, случая—чего хотите... По-моему Кротовъ самъ даже больше виноватъ въ своей смерти, нежели вы. Расскажите мнѣ, пожалуйста, какъ все это произошло

Антоновъ, волнуясь и заикаясь, но все-таки довольно обстоятельно, рассказалъ происшествіе. Въ то-же время, крайне пораженный метаморфозой, происшедшей съ Михайломъ Михайловичемъ, чего онъ не могъ незамѣтить, не смотря на свое крайне возбужденное состояніе, — онъ, вдругъ, сердцемъ почувялъ въ этомъ человекѣ своего спасителя, почувствовалъ къ нему довѣріе, уваженіе, любовь и была близокъ къ тому, чтобы броситься къ этому лохматому чудачку на грудь, надъ которымъ прежде только смѣялся, и выплакать на ней, какъ на груди отца, все свое горе.

— Ну, вотъ видите! Я себѣ все именно такъ и представлялъ, какъ вы рассказали; и я рѣшительно не понимаю, откровенно вамъ говорю, въ чемъ-же вы особенно можете себя упрекнуть?.. Развѣ только въ томъ, что вы вложили въ ваше ружье патроны и курки оказались несущенными? Но вѣдь и Кротовъ видѣлъ, что ружье заряжено,—зачѣмъ-же онъ такъ неосторожно потянулъ его къ себѣ?

И Михаилъ Михайловичъ вдругъ оттопырилъ усы и улыбнулся своей озадачивающей улыбкой: привычка шутоваться такъ вѣлала уже въ него, что прорывалась противъ его воли даже въ самыя серьезныя минуты.

— Но вѣдь какъ тамъ ни говорите, а все-таки я, я—причина его смерти!.. съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнулъ Антоновъ.

— Да, вы! Но такая-же причина, какъ ружье, какъ то, что онъ сидѣлъ какъ разъ по направленію дула, и тому подобное. Я понимаю ваше горе, что вы лишились добраго товарища; но говорю, что упрекать-то вамъ себя особенно не въ чѣмъ. Ваше дѣло, какъ друга, какъ пріятеля Кротова, позаботиться устроить его сестру, а убиваться тутъ нечего. Вы одни, разумѣется, не въ состояніи ее обезпечить, но у меня уже въ головѣ составился планъ, какъ организовать ей помощь и я, зная нашу военную среду, заранѣе увѣренъ, что онъ удастся.

При упоминаніи о Лизѣ, съ Антоновымъ опять чуть не сдѣлалось нервнаго припадка, что не ускользнуло отъ наблюдательнаго Михаила Михайловича.

— Послушайте, сказалъ онъ,—знайте, что я искренно расположенъ къ вамъ... Я долго наблюдалъ за вами: вы хорошій, честный молодой человекъ... я чувствую къ вамъ большую симпатію. Отвѣтьте-ка мнѣ прямо: вы любите сестру Кротова?

Этотъ категорическій и совершенно неожиданный вопросъ заставилъ Антонова вздрогнуть; онъ испуганно взглянулъ на Костаренку. Тотъ ласково, даже нѣжно смотрѣлъ на него яснымъ взоромъ добрыхъ, уже старческихъ глазъ. Въ сердцѣ Антонова что-то затрепетало: этотъ взглядъ проникъ въ его больную душу, разомъ покорилъ ее себѣ и Антоновъ заговорилъ съ неудержимымъ порывомъ.

— Да! Да! Я люблю ее такъ, какъ никогда никого не любилъ!.. Я полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ, всею душой съ перваго мгновенія, какъ только увидѣлъ ее!.. Но до сихъ поръ я не говорилъ объ этомъ никому!.. Моей единственной и постоянной лучшей мечтой было заслужить ее расположеніе и жениться на ней... И вотъ, вы видите, какъ я заслужилъ это расположеніе!.. Она теперь не будетъ въ состояніи слышать моего имени безъ содроганія, безъ отвращенія!..

Антонова била лихорадка. Костаренко обнялъ его, прилепкъ къ себѣ на грудь и изъ его глазъ закапали слезы...

И какъ-же комиченъ онъ былъ въ эту минуту!..

Стало совсѣмъ темно, когда Костаренко привелъ Антонова къ себѣ въ палатку и уложилъ его на свою спартанскую кровать, давъ ему успокоительныхъ капелекъ.

(До слѣдующаго №).

дурна собой,—слѣдовательно, замужъ еще выйдетъ... такъ оно все само собой и устроится...

При словахъ «выйдетъ замужъ» Антонова всего передернуло и онъ опять зарыдалъ. Костаренко пристально посмотрѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ и незамѣтно улыбнулся. «Понимаю!» подумалъ онъ и сейчасъ-же продолжалъ:

Очеркъ постройки Закаспійской военной желѣзной дороги.

(См. рис. на стр. 4—5).

Событія 70-х годовъ заставили разочароваться людей, приписывавшихъ военное значеніе Туркестану. Область эта, отдѣленная нѣсколькими тысячами верстъ разстоянія отъ коренной Россіи, располагая сравнительно малыми силами для активной обороны, не можетъ переносить театра военныхъ дѣйствій за свои предѣлы безъ помощи Кавказа, что при отсутствіи путей сообщенія является дѣломъ трудно-выполнимымъ, почему и не имѣетъ права на названіе плацдарма. Съ присоединеніемъ-же къ Россіи Закаспійской области, значеніе Туркестана было перенесено на нее, и для того, чтобы значеніе это не осталось пустымъ звукомъ, озаботились объ улучшеніи сношеній ея съ Кавказомъ, результатомъ чего и явилась постройка Закаспійской военной желѣзной дороги, на тысячу сличшимъ верстъ прорѣзавшей уже въ настоящее время средне-азіятскія степи. Уже одно названіе этой дороги «военная», указываетъ на ея стратегическое значеніе, хотя теперь она мало-по-малу начинаетъ приобрѣтать торгово-промышленное; но постройка ея началась исключительно для военныхъ цѣлей въ 1881 году во время ахальтекинской экспедиціи. Назначеніе ея было служить средствомъ къ скорѣйшему доставленію войскъ, боевыхъ и жизненныхъ припасовъ экспедиціонному корпусу. Однако, ожиданія не оправдались, такъ какъ постройка тормозила только дѣйствующій отрядъ, отнимая отъ него массу верблюдовъ и другихъ перевозочныхъ средствъ, и въ концѣ концовъ опоздала. Конечнымъ пунктомъ дороги было укрѣпленіе Кизиль-Арватъ, отстоящее на 217 верстъ отъ Каспійскаго моря. Прошло четыре года; въ 1885 году отношенія наши съ Авангистаномъ, подстрекаемымъ англичанами, мало-по-малу обостряясь, привели къ кушкинской катастрофѣ, въ силу чего и явилась потребность въ продолженіи начатой дороги, чтобы войска, находящіяся въ средней Азій, могли рассчитывать въ критическій моментъ на поддержку и не были-бы отрѣзаны отъ главнаго базиса.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію постройки дороги, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о той мѣстности, чрезъ которую ее пришлось проводить, безъ чего трудно будетъ понять всю трудность задачи, возложенной на закаспійскіе желѣзно-дорожные батальоны. Закаспійская область, хотя и именуется Ахаль-Текинскимъ оазисомъ, но въ сущности имѣетъ мало общаго съ этимъ названіемъ: если она именуется оазисомъ, то лишь только по отношенію граничащей съ ней къ сѣверу Кара-Кумской пустыни, лишенной не только растительности и орошенія, но даже жалкихъ колодезевъ. Вся область простирается около 1000 верстъ отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря къ юго-востоку, хотя и имѣетъ повсемѣстно одинаковый климатъ и среднюю температуру, тѣмъ не менѣе представляетъ во многихъ мѣстахъ рѣзкіе контрасты во флорѣ и фаунѣ, а также и въ царствѣ минеральномъ. Главною причиною такихъ рѣзкихъ контрастовъ является большая или меньшая степень орошенія, служащаго здѣсь важнымъ факторомъ жизненной дѣятельности страны и централизаціи ея населенія, которое, собственно говоря, и скуцилось, на персидской границѣ у подножій Коппетъ-Дага, представляющаго собою отроги Парапамиза, извѣстнаго въ большинствѣ случаевъ подъ названіемъ Балхановъ. Небольшая по ширинѣ (около 15 вер.) культурная полоса эта, гранича къ сѣверовостоку съ Кара-Кумскими песками, сама начинаясь у Каспійскаго моря на протяженіи около 60 верстъ не менѣе сыпучимъ пескомъ, переходитъ за гѣмъ въ суглинокъ на столько твердый, что если-бы не степной ковыль и кусты молочая, то его можно было-бы принять за грунтъ вполнѣ окаменѣвшій. Горько ошибся-бы путешественникъ, если-бы вздумалъ найти здѣсь полное отдохновеніе, сопряженное съ понятіемъ объ оазисѣ пустыни. Отъ береговъ Каспійскаго моря на протяженіи 100 верстъ до аула Казанджихъ нигдѣ не встрѣтишь воды и только отъ этого аула по направленію къ Кизиль-

Арваду и Асхабаду черезъ 20 или 30 верстъ попадаютъ небольшіе источники (maximum 2 арш. ширины $\frac{1}{2}$ арш. глубины) именуемые арыками, но арыки эти бѣдны водою, мелководны и во время жаровъ, зачастую доходящихъ до 60°, совсѣмъ высыхаютъ. Невеселую картину представляетъ тогда собою выжженная солнцемъ степь, окрашенная въ сѣрый колоритъ и окаймленная съ юга, точно бахрамою, цѣпью такихъ же сѣрыхъ, скалистыхъ обнаженныхъ горъ. Тяжело становится на душѣ у непривычнаго европейца-путешественника; солнце немилосердно паритъ голову; жгучій вѣтеръ проникаетъ черезъ плотное платье; раскаленный воздухъ затрудняетъ дыханіе; жажда становится невыносимою... Онъ ждетъ, жаждетъ источника, чтобы освѣжить пылающій лобъ, промочить пересохшее горло... Вотъ показался источникъ... Но и онъ не особенно радуетъ путника: та-же сѣрая степь, тѣ-же кусты молочая; умирающій арыкъ тихо катитъ маленькія воды свои, до того маленькія, что долго приходится искать мѣстечко, гдѣ можно было-бы почерпнуть воды, не набрать яризи. Жутко становится въ этомъ царствѣ окаменѣнія и полнѣйшаго безмолвія. Только мальчикъ-пастухъ текинцевъ нарушаетъ молчаніе: онъ не обращаетъ вниманія ни на жару, ни на солнце, ни на бѣдность окружающей природы и распѣваетъ свои заунывные пѣсенки, въ концѣ растраивающія напряженные нервы путешественника. Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ понятіе о Закаспійской области. И въ этой-то странѣ, почти лишенной жизненныхъ элементовъ, гдѣ 60-ти градусныя жары не рѣдкость, гдѣ быстрые и рѣзкіе переходы въ температурѣ отъ плюса къ минусу и обратно порождаютъ всевозможнаго рода заболѣванія отъ простой лихорадки до тифа и воспаленія легкихъ включительно, явился русскій солдатъ на борьбу съ самымъ лютымъ врагомъ—съ природою.

Я не буду говорить о постройкѣ Кизиль-Арватскаго участка, построеннаго въ экспедицію 1881 г., а ограничусь только очеркомъ настоящей постройки по продолженію уже начатой. И такъ, въ началѣ 1885 года рѣшено было продолжать дорогу, почему и приступили сейчасъ-же къ изысканіямъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ повсемѣстно начались земляныя работы, а къ июню значительная часть ихъ была окончена, ждали только прибытія вновь сформированнаго въ Москвѣ 2-го закаспійскаго желѣзнодорожнаго батальона, чтобы приступить къ кладкѣ рельсъ и шпаль, такъ какъ находящійся въ области 1-й желѣзнодорожный батальонъ, эксплуатируя отстроенный уже участокъ, не могъ быть употребленъ на эти работы; земляныя-же производились вольнонаемными рабочими, нанимаемыми большею частью въ Персіи, хотя нѣкоторыхъ выписывали изъ Астрахани и другихъ российскихъ губерній. Въ ожиданіи начала укладки рельсъ, Кизиль-Арватъ, какъ начальный пунктъ постройки, былъ избранъ центромъ всей линіи, гдѣ и помѣщалось управленіе дороги. Маленькій по своимъ размѣрамъ, не болѣе трехъ квадратныхъ верстъ, городокъ этотъ, находящійся вблизи аула того-же имени, представлялъ собою въ это время очень оживленный пунктъ, куда съѣзжались всѣ инженеры, механики, офицеры, поставщики и прочій дѣловой людъ со своими семействами. Наплывъ населенія, хотя и временнаго, былъ до того великъ, что жилыхъ построекъ едва хватало только для женатыхъ, холостые-же всѣ безъ исключенія помѣщались въ кибиткахъ, въ нихъ-же были расположены и солдаты и нѣкоторыя канцеляріи. Тѣмъ не менѣе общество, нисколько не смущаясь своимъ жтѣемъ, въ ожиданіи дѣла весело проводило время, отплясывая въ наскоро устроенномъ клубѣ, придумывая катанья и пикники въ горахъ.

Но вотъ наконецъ, въ срединѣ іюня, прибылъ ожидаемый батальонъ. Утомленнымъ мѣсячнымъ походомъ солдатамъ дали недѣлю отдыха, а затѣмъ немедленно приступили къ работамъ, тѣмъ болѣе, что полотно на протяженіи 50-ти верстъ до укрѣпленія Бама было совсѣмъ готово и ждало только рельсъ. 22-го іюня, въ шесть часовъ утра, отслуженъ былъ на насыпи

молебень, и едва успѣли смолкнуть голоса пѣвчихъ, какъ застучали молотки, завизжала пила и закипѣла работа. Съ этого времени Кизиль-Арватъ обратился въ какой-то муравейникъ, въ которомъ муравьи-люди медленно, но неизмѣнно шагъ за шагомъ, общими силами старались пролагать нелегкую желѣзную ленту въ глубь пустыни. Первыхъ два мѣсяца работу поистинѣ можно было назвать муравьиной. Офицеры и солдаты выбивались изъ силъ, а дѣло между тѣмъ не спорилось: едва успѣвали прокладывать $\frac{1}{4}$ версты въ день. Главною причиною медленности было отсутствіе у солдатъ привычки къ специальной работѣ; начальнику укладки штабс-капитану Бѣляеву приходилось одновременно и вести укладку, и учить непривычныхъ къ дѣлу солдатъ. Къ тому-же адская жара не мало мѣшала скорости работъ. Лѣто закаспійскихъ степей отличается не только сильными жарамъ, значительно разрѣжающими воздухъ, но и жгучими вѣтрами, разносящими массы мелкаго пылевиднаго, не менѣе жгучаго песку, хуже комаровъ и мошекъ подчасъ безпокоящаго человѣка. Жара эта не только физически дѣйствуетъ на организмъ, расслабляя всѣ члены, но и морально: первое время такъ и кажется, что находишься въ полуснѣ, мысли такъ разсѣиваются, что но можешь ни на чемъ сосредоточиться, да и не хочется какъ-то и сосредоточиваться на чемъ-либо. И въ такую-то жару приходилось солдатамъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера работать не разгибая спины, таскать шпалы и рельсы, которыя до того накалялись, что капли воды шипѣли при паденіи на желѣзо, а между тѣмъ ихъ приходилось не только таскать, подчасъ на высокую насыпь, что можно было-бы дѣлать крючками, но и приколачивать, а также свинчивать; кожанныя рукавицы, надвигаемыя во время работъ, мало помогали, а между тѣмъ служили помѣхою. Въ дополненіе къ жарѣ теплая и не всегда хорошая вода, рѣзкіе переходы въ температурѣ дня и ночи дѣлали свое дѣло, развивая между рабочими тифъ и воспаленіе легкихъ. Небольшой лазаретъ не вмѣщалъ уже въ себѣ больныхъ, которыхъ приходилось лежать въ шатрахъ и кибиткахъ, а Кизиль-Арватское кладбище начало обогащаться все новыми и свѣжими могилами. Къ счастью, унынія между солдатами незамѣчалось, всѣ были бодръ духомъ и, не смотря на первоначальную неуспѣшность работы, не унывали.

Такъ прошло полтора мѣсяца въ борьбѣ съ препонами, поставляемыми природою и мѣстными условіями края; къ концу этого времени, солдатики нѣсколько попривыкли къ климату, присмотрѣлись къ работѣ и укладка пошла быстрѣе. Такъ въ концѣ августа каждый былъ на своемъ мѣстѣ и зналъ свое дѣло; къ этому времени успѣли уже открыть одну новую станцію «Коджъ» (въ 22-й верстѣ отъ Кизиль-Арвата) и подошли къ Бами. 1-го сентября весь путь до Бами былъ пройденъ и открыта желѣзнодорожная станція. И такъ эта первая укладка на протяженіи 50-ти верстъ, которую иначе и нельзя назвать, какъ учебной, продолжалась два мѣсяца (въ праздники не работали).

Дальнѣйшая-же укладка пошла значительно быстрѣе, какъ отъ того, что люди привыкли къ работѣ, такъ и отъ того, что жара, спадая, становилась менѣе мучительной. Скорость работы, постепенно прогрессируя, дошла наконецъ до 2 $\frac{1}{2}$ и даже 3-хъ верстъ въ день, а позднѣе и до 4 $\frac{1}{2}$ и 5 верстъ. Въ этомъ отношеніи постройка закаспійской дороги при всей неудобной обстановкѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ, всегда обращавшихся противъ, превзошла постройки всѣхъ не только русскихъ, но и иностранныхъ дорогъ, строившихся до этого времени. Хотя, правду говоря, не легко давалась эта скорость. Для того, чтобы довести скорость укладки до 5 верстъ въ сутки, приходилось производить ее одновременно въ двухъ мѣстахъ, причемъ матеріалы для работъ, какъ то рельсы, шпалы и связи приходилось доставлять иногда за тридцать верстъ впередъ, что при отсутствіи колесныхъ дорогъ было дѣломъ не легкимъ. На первую укладку матеріалъ доставлялся на платформахъ и въ вагонахъ, для второй-же—нужно было изыскивать

иныя перевозочныя средства, какими и явились верблюды и лошади, составлявшіе какъ-бы отдѣльный отрядъ подъ названіемъ «конно-верблюжьяго транспорта», формированіе котораго было поручено штабъ-ротмистру Лебедеву. Съ перваго взгляда сформировать транспортъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей и тысячи верблюдовъ, озаботиться снаряженіемъ его и фуражировкой, кажется дѣломъ далеко не труднымъ, но если принять во вниманіе, что перевозка такихъ тяжестей, какъ рельсы, при отсутствіи дорогъ и мѣстами сыпучей почвъ, на лошадахъ невозможна, а требуютъ верблюдовъ, какъ болѣе сильныхъ и выносливыхъ животныхъ, которые не привыкли однако ходить въ упряжи и которыхъ, слѣдовательно, нужно было пріучить къ тому (перевозка рельсъ вьючнымъ способомъ немислима), то уже здѣсь начинается проглядывать трудность задачи; а если къ тому-же еще прибавить выѣздку дикихъ степныхъ лошадей, покупаемыхъ въ киргизскихъ степяхъ изъ табуновъ, то тогда дѣло формированія транспорта высугукаетъ въ полномъ свѣтѣ. Въ то время, когда нужно отправлять рельсы и шпалы на передовую кладку и прочіе матеріалы разсылать по всей линіи дороги, нужно было напргать всѣ силы, чтобы въ возможно скоромъ времени заставить верблюдовъ подчиниться «нововведеніямъ». Непривычныя къ упряжкѣ животныя, запрягаемые тремя человѣками съ большимъ трудомъ, неистово затѣмъ бѣсновались, разбивая роспуски и усевая всю дорогу колесами, оглоблями и строительнымъ матеріаломъ, для подборки котораго снова приходилось снаряжать транспортъ и этотъ транспортъ постигала та-же участь. Наконецъ и это препятствіе было устранено: верблюды, убѣдившись, повидимому, въ томъ, что плетью обука не перешибешь, покорились своей участи. И потянулись далеко, далеко на протяженіи 600 верстъ по безлюднымъ степямъ вьючные караваны и упряжные обозы, всюду развозя матеріалы и удивляя туземцевъ непривычно для нихъ упряжкою.

Эта оригинальная верблюжья упряжка, благодаря физическому строенію самого верблюда, слишкомъ проста и далеко не многосложна: состоитъ всего только изъ широкаго кожаннаго пояса, подпятаго войлокомъ, накладываемаго животному на шею и подвязываемаго къ оглоблямъ. Когда верблюдъ находится въ движеніи, то поясъ этотъ, напирая ему на горбъ, не имѣетъ возможности сдвинуться дальше, почему и служить хомутомъ. Для того, чтобы запречь его, вводятъ верблюда между оглоблей и говорятъ: «чохъ, чохъ»; пріученное животное опускается на всѣ четыре колѣна, а въ это время и нагибаютъ шлею ему на шею; затѣмъ при словѣ «кхы» онъ поднимается—и вся упряжка кончена. Запряженные такимъ образомъ верблюды вытягиваются въ одну линію и привязываются веревочками, прикрѣпленными къ продѣтымъ черезъ носъ палочкамъ, одинъ къ другому и движутся такъ гуськомъ по дорогѣ, требуя одного вожака на двухъ.

Вотъ этотъ-то конно-верблюжий транспортъ и способствовалъ скорости работъ, и далъ возможность одновременно вести укладку въ двухъ мѣстахъ, которая идя одна другой на встрѣчу смыкалась.

Солдаты, а также рабочіе персы, имъ помогавшіе, ведшіе передовую укладку, помѣщались въ кибиткахъ; укладочные-же рабочіе первой укладки—въ товарныхъ вагонахъ, составлявшихъ жилой поѣздъ, который по мѣрѣ укладки рельсъ подвигался все впередъ и впередъ. Сначала вагоны были одноэтажные, но затѣмъ для того, чтобы возможно больше уменьшить длину поѣзда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разстояніе между мѣстомъ работъ и хвостомъ поѣзда, гдѣ сбрасывали подвозимый рабочими поѣздами матеріалъ и тѣмъ самымъ сдѣлать доставку его къ концу укладки болѣе скорою, вагоны были передѣланы въ двухъ-этажные. На верху жили вольнонаемные рабочіе, внизу-же—солдаты; въ верхній этажъ приходилось взбираться по всякимъ лѣсенкамъ.

В—въ.

(До слѣдующаго №).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

* * *

Печально верба наклоняла
Зеленый локонь свой къ пруду,
Земля въ томленьѣ изнывала,
Ждала вечернюю звѣзду.

Сіяло небо необъятно
И въ немъ, какъ стая легкихъ сновъ,
Скользили розовыя пятна
Завечерѣвшихъ облаковъ.

Молчалъ я, полнъ любви и муки;
Въ моей душѣ, какъ облака,
Роились сны, тѣснились звуки
И пѣла смутная тоска.

И мнѣ хотѣлось въ то мгновенье
Живую пѣсню воскресить
Все перешедшее въ забвенье,
И незабвенное забыть!..

К. Фофановъ.

ДОКТОРЪ КОСТАРЕНКО.

Повѣсть К. В. Тхоржевскаго.

(Продолженіе).

Въ этотъ-же день, день катастрофы, передъ вечеромъ, на одной изъ глухихъ улицъ города, во второмъ этажѣ деревяннаго дома, только-что выкрашеннаго свѣтлой масляной краской, все окна, числомъ, впрочемъ, только три, были раскрыты, и вѣтерокъ, изрѣдка налетавшій съ Волги, чуть-чуть пошевеливалъ бѣлоснѣжными дешевенькими кисейными занавѣсками.

У одного изъ этихъ оконъ сидѣла дѣвушка лѣтъ шестнадцати съ густыми, темно-русскими, курчавыми волосами, заплетенными въ двѣ толстыя косы, свободно спадавшія по ея плечамъ. Она не была идеальной красавицей, но свѣжій румянецъ, пунцовыя губки, блескъ веселыхъ, дѣвически-невинныхъ глазъ,—все это вмѣстѣ было такъ мило, такъ пре-

красно, что всякій-бы остановился передъ ней и отъ полноты души воскликнулъ-бы: «какая прелесть!»

Она сидѣла за швейной машиной и, напѣвая вполголоса пѣсенку, шила мужскую рубашку съ малороссійскими вышивками; по временамъ она улыбалась, будто на умъ приходили ей веселыя мысли или вспоминалось что-нибудь хорошее.

— Петръ! крикнула она.

За дверью послышались тяжелые шаги и въ комнатѣ появилась здоровенная фигура солдата въ красной кумачевой рубахѣ, подпоясанной казеннымъ поясомъ, съ коротко, по формѣ, подстриженными волосами, намазанными все-таки масломъ.

Очеркъ постройки Закаспійской военной желѣзной дороги.

(См. рис. на стр. 12—13).

(Окончаніе).

Этотъ жилой поѣздъ представлялъ изъ себя какъ-бы передвижной лагерь, вокругъ котораго цѣлый день кипятъ неустанная работа. Съ утра и до вечера то и дѣло, что шмы-

ти, по нѣсколько человѣкъ въ каждой, которыя какъ-бы преслѣдуютъ по пятамъ одна другую. Въ то время, когда первая изъ нихъ кладетъ шпалы, вторая сейчасъ-же велѣдъ пилоу дѣлаетъ мѣтки, третья зарубки, четвертая кладетъ рельсы, пятая приколачиваетъ, шестая скрѣпляетъ, а потомъ уже ремонтные рабочіе, идущіе въ хвостъ, дѣлаютъ подбивку (т. е. подбиваютъ землю подъ шпалы). И такъ идетъ работа безъ устали до самаго вечера, удѣляя только одинъ часъ для обѣда. Но вотъ наконецъ стемнѣло; южная темная ночь окутала безпредѣльную степь черными покровами; барабанъ ударилъ отбой,—и картина мѣняется. Смолкаетъ стукъ молотковъ и скрипъ телегъ, но взамѣнъ русская залихватская пѣсня оглашаетъ нѣмую окрестность:

«Грemitъ слава трубой,
Мы дрались авганецъ съ тобой,
По горамъ твоимъ балханскимъ
Разнеслась слава объ насъ»...

Многочисленное эхо повторяетъ въ горахъ пѣсню:—люди кончили работу и идутъ на ужинъ. А у вагоновъ между тѣмъ мелькаютъ привѣтливые огоньки: это артельные кашевары рабочихъ-персовъ разложили костры и готовятъ ужинъ, кипятятъ чай; паръ отъ котельковъ, маленькими клубами разносясь въ воздухъ, приятно щекочетъ обоняніе уставшаго и проголодавшаго человѣка. Еще нѣсколько минутъ и весь этотъ рабочий людъ, размѣстившись группами, подъ открытымъ небомъ мирно ужинаетъ, забывъ всѣ тягости и невзгоды дня. Всюду слышенъ смѣхъ и веселый говоръ:

— А что, вѣдь, Митричъ, слышится въ одной группѣ,—вѣдь такъ работамши скоро и къ Асхабаду подойдемъ.

— Знамо дѣло, подойдемъ.

— Енераль сказывалъ, что цѣлую недѣлю отдыху тогда дастъ и угощеніе будетъ, вставилъ маленькій вертлявый солдатикъ.

— Ну, братцы мои, и налижусь-же я тогда на славу! шутка-ли сказать? — Отъ самаго Нижяго рюмки въ рукахъ не держалъ,—почитай мѣсяца четыре будетъ!

— Ну, да въ Нижнемъ-же за то, братецъ ты мой, зарядился чуть не на цѣлый годъ, мы ужъ и не думали, что живъ останешься.

Въ другой группѣ тоже про водку рѣчь идетъ, дороговизну прокливаютъ:

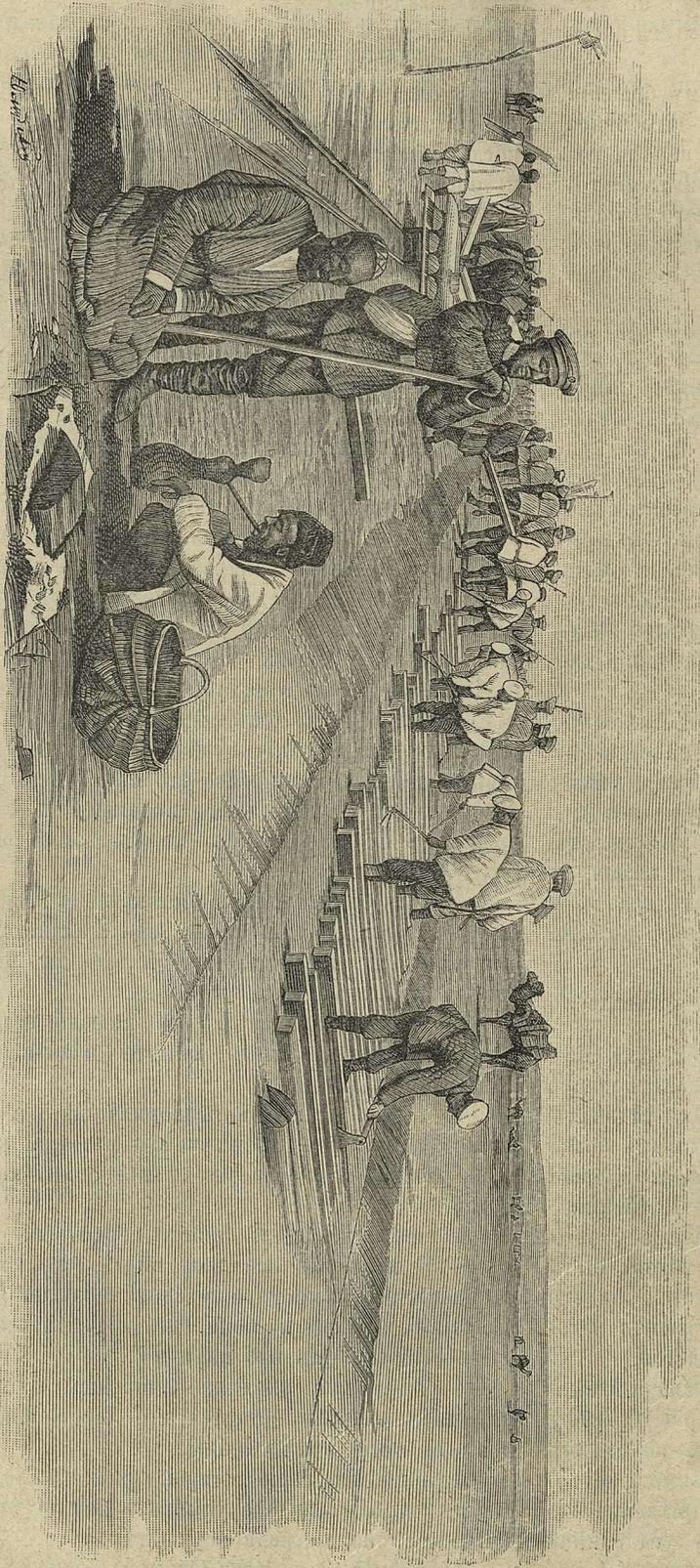
— Шутка-ли сказать, семь гривенъ сороковка, когда у насъ въ Москвѣ за 17 копеекъ сколько твоей душѣ угодно.

— Да-съ, ничего не подѣлаешь, ужъ климатъ такой, что иголка и та пять копѣекъ стоитъ...

Наконецъ ужинъ кончился... группы расходятся... вы думаете спать?—Нѣтъ, какъ же! Вѣдь солдатскій день не совсѣмъ еще

конченъ: онъ работалъ, правда, работалъ добросовѣстно, не жалѣя ни спины, ни рукъ, — но онъ еще не веселился, а вѣдь безъ этого нельзя, — что-же это: работой да работой и только! Нѣтъ. валю и повеселитесь! И тутъ-то солдатикъ

гаютъ взадъ и впередъ лошади и ослы, подвозя маленькими вагончиками на уложенныхъ параллельно полотну рельсахъ Дековила рельсы, шпалы и скрѣпленія, а впереди слышится явлгъ молотковъ и визгъ пилы; рабочіе подѣлены на пар-

Постройка Закаспійской военной желѣзной дороги.

Рис. Н. Н. Юмукраго.

Постройка Закаспийской военной желѣзной дороги.
Рис. Н. Н. Юмудскаго.

Постройка Закаспийской военной желѣзной дороги.
Рис. Н. Н. Юмудскаго.

вознаграждает себя за весь трудный день: на сцену является балалайка, бубень, тарелки и пошла плясовая! Другой искусник весь потомъ обливаётся, а такія колѣнца выкидываетъ, что товарищи за животы только хватаются;—а вѣдь это тотъ самый, что цѣлый день на спинѣ своей четырехпудовыя шпалы таскалъ; вонъ въ другомъ мѣстѣ кузнецъ—весь день молотомъ промахалъ, а теперь на рукахъ ходитъ—товарищей, видите-ли, забавляетъ; въ третьемъ—хоръ пѣсенниковъ гремитъ, не жалѣя пересохшаго за цѣлый день горла.

Въ татарскомъ лагерѣ тоже веселье: визжитъ зурна, гудитъ тулумбасъ, и молодой, стройный красавецъ лезгинъ, въ оборванномъ бешметѣ и съ неизмѣннымъ оправленнымъ въ серебро кинжаломъ, подъ мѣрное хлопанье въ ладоши собравшихся вокругъ зрителей, граціозно танцуетъ лезгинку...

Къ десяти часамъ всё уже успѣли поуходиться и весь лагерь погружается въ глубокий сонъ, слышатся только тяжелые шаги дневальныхъ, да изрѣдка тоску нагоняющее завываніе бродящихъ въ степи голодныхъ шакаловъ.

* * *

Нечего и говорить, конечно, о томъ, какъ мало удобствъ представляла жизнь въ вагонахъ; тѣснота и духота, съ одной стороны, и нестерпимая жара—съ другой; но все это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось испытывать зимою.

Всѣ жизненные припасы, а также и вода въ цистернахъ подвозились рабочими поѣздами. Такъ приходилось бѣдовать солдатикамъ до октября; съ этого времени жары прекратились и дали полнѣйшую возможность работать вполне свободно. Работа закипѣла съ замѣчательною быстротою и 30-го ноября укладка достигла Асхабада. Ожиданія солдатиковъ вполне оправдались, что и выразилось въ составленной ими пѣсенкѣ:

...«Черезъ пять мѣсяцевъ укладки
Къ Асхабаду мы пришли,
И спасибо заслужили,—
Угощеніе нашли.

Это правда, это правда, это правда все была.
Для насъ музыка играла,
Встрѣча славная была,
Артиллерія стрѣляла,
Всѣ кричали намъ ура!

Это правда, и т. д.»

Дѣйствительно, торжество было полнѣйшее, радовались и торжествовали всѣ безъ исключенія, и у всѣхъ на то были свои важныя причины: военной элементъ не рисковалъ больше быть изолированнымъ на время войны; дамочки, соскучившіяся по Петербургу и Тифлису, модисткамъ и моднымъ магазинамъ, могли спокойно и удобно совершать свои путешествія; торговцы—скорѣе получать и въ болѣе исправномъ видѣ свои товары; туземцы, наконецъ, радовались тому, что шайтанъ*), обузданный могучей рукой уруса, избавлялъ ихъ отъ необходимости тратить время въ долгихъ переѣздахъ на верблюдахъ подъ лучами палящаго солнца.

Съ четырехъ часовъ дня, толпы народа покрывали уже станціонную площадку въ ожиданіи поѣзда, войска выстраивались шпалерами по сторонамъ полотна; толпы туземцевъ въ праздничныхъ шелковыхъ халатахъ съѣхались съ дальнихъ ауловъ. Все это толкалось на мѣстѣ и горѣло нетерпѣніемъ. Наконецъ, въ 7 часовъ вечера, раздался свистокъ и укладочный поѣздъ, украшенный флагами, подъ звуки народнаго гимна, при оглушительномъ крикѣ ура и грохотѣ орудій, медленно и величаво подошелъ къ станціи... Тутъ-же на площадкѣ былъ сейчасъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго жителями города нижнимъ чинамъ была предложена закуска, а на другой день устроено народное гулянье и призовыя скачки. Послѣ столь долгой и утомительной работы людямъ данъ былъ недѣльный отдыхъ, а 7-го декабря снова закипѣла работа. Одновременно съ укладкою рельсъ прокладывалась телеграфная проволока, открывались телеграфныя станціи подъ руководствомъ энергичнаго и опытнаго механика г. Лоренсона.

*) Шайтанъ по-русски дьяволъ.

Но тутъ уже миновали тѣ немногіе красные дни, которыми пользовались рабочіе за послѣднее время: не успѣли отойти 15 верстъ отъ Асхабада, какъ выпалъ снѣгъ и ударили лютые морозы, доходящіе до 28° по Р. Арыки промерзали до дна, не давая ни капли воды, птицы замерзали въ степи, вода и нефть, которою отапливались паровозы, замерзали въ цистернахъ, такъ что для того, чтобы рабочіе поѣзда могли доставлять матеріалъ, приходилось помимо воды, имѣющейся въ тендерѣ и нефти въ резервуарѣ, возить съ собою запасы на помѣшавшихся сзади паровоза платформахъ, обогрѣвая резервуары паромъ, чтобы не позволять замерзать содержимому. Не смотря на все это, не смотря на то, что прежде чѣмъ свинчивать рельсы приходилось разогрѣвать на костре болты, чтобы снять примерзшія къ нимъ гайки,—работы не прекращались, производились по прежнему, только скорость ихъ значительно уменьшилась. Положеніе въ это время солдатъ и рабочихъ было самое тяжелое: цѣлый день неустанная работа на морозѣ и страшный холодъ ночью во время отдыха. Въ вагонахъ хотя и были поставлены желѣзныя печи, но онѣ очень мало помогали и приносили только вредъ, такъ какъ во время топки, быстро накаляясь, доводили температуру вагона до температуры бани, затѣмъ при окончаніи топки также быстро и охлаждались. Отъ такихъ рѣзкихъ переходовъ развивались только болѣзни. Положеніе станціонной прислуги было нѣсколько лучше. Кибитки, замѣнявшія собою временныя станціи, къ зимѣ были сняты и на ихъ мѣста ставились складные деревянные астраханскіе домики, которые отапливались кирпичными печами. Домики эти, хотя и небольшіе, но удобные для жилья и перевозки, къ тому-же и недорогіе, стоимостью въ 900 руб. Но за то положеніе вольнонаемныхъ рабочихъ, конюховъ въ транспортѣ и ихъ семействъ было самое безотрадное: терпѣли они всякія невгоды лѣтомъ болѣе другихъ, настала зима—терпѣли зимою еще больше.

Зимою вмѣсто кибитокъ были розданы холщевыя палатки, въ которыхъ въ 28-ми градусные морозы помѣстились женщины и дѣти, а конюха обреченные и зиму ночевать на дворѣ, принужденны были зарываться въ сѣно.

Но при всѣхъ этихъ невгодахъ, дорога все-таки двигалась все впередъ и впередъ. Солдатъ не падалъ духомъ и остался вполне воиномъ, готовымъ идти не только на бой со врагомъ, но и съ природою. Много, конечно, помогало тому ясное сознаніе не бесполезности потраченного труда и не бесплодности своей работы. Солдатъ хорошо видѣлъ, какъ съ проведеніемъ дороги оживился край, какая закипѣла торговля и началось быстрое и тѣсное сближеніе туземцевъ съ русскими, однимъ словомъ,—онъ наглядно, видитъ результаты своего труда. Не даромъ-же, колотя молоткомъ, онъ поетъ:

«Ну, дружныѣ-же ребята,
Не жалѣйте вы вашъ трудъ.
Эти рельсы азіатамъ
Просвѣщенъе принесутъ».

Да, солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона гордится своей работой болѣе, чѣмъ лаврами боевой славы, хотя, впрочемъ, и она ему не чужда:

«Мы работаемъ вѣдь дружно:
Ломомъ, киркой молоткомъ,
А какъ только будетъ нужно,
Поработаемъ штыкомъ».—

продолжаетъ онъ дальше, и правъ: отрядъ охотниковъ, производившихъ, подъ командою поручика Остолопова, взрывъ геоктепинской стѣны въ 1881 году, была изъ 1-го закаспійскаго желѣзно-дорожнаго батальона.

И только подобное сознаніе величія предпринимаемаго дѣла и бодрило духъ солдата, заставляя его игнорировать всѣ житейскія невгоды, мотивируя это тѣмъ, что:

«Намъ погода не мѣшаетъ,
Подвигаемся впередъ.
Чарна водки и спасибо—
Дѣло-то быстрѣй пойдетъ»...

И дѣйствительно, бодро подвигались впередъ и впередъ, испытывая зной и непогоду, прошли 100-верстную безводную Кары-бентскую пустыню, проложили на плавучемъ пескѣ часто мѣняющемъ свое направленіе, рельсы и къ 1-му июлю 1886 года достигли Мерва, проложивъ въ теченіе года, на разстояніи 533 верстѣ, желѣзнодорожный путь, устроивъ станціи и проведя телеграфъ. Здѣсь окончивается закаспійскій участокъ и начинается самаркандскій, къ постройкѣ котораго приступили два мѣсяца спустя.

Но работы этимъ не ограничились. Съ продленіемъ дороги и пріобрѣтеніемъ ею промышленнаго значенія, какъ посредника въ мѣнѣ нашихъ произведеній съ азіятскими, Михайловская бухта на Каспійскомъ морѣ, откуда начиналась дорога, оказалась, по своей малой величинѣ и мелкому фарватеру, не позволявшему входить большимъ судамъ, непригодною, для чего приступили къ сооруженію новой, болѣе подходящей бухты. Таковою явилась «Узунъ-Ада».

Узунъ-Ада, представляющая нынѣ начальный пунктъ закаспійской желѣзной дороги, въ переводѣ означаетъ «длинный островъ». Это небольшой портъ на песчаномъ островѣ, заваленный въ настоящее время массаами тюковъ мѣстной производительности, среди которой главнымъ образомъ фигу-

рируетъ хлопокъ. Вокругъ порта цѣлое море песку: куда только хватаетъ глазъ, всюду видишь одинъ песокъ подъ шатромъ знойнаго неба; портъ вмѣщаетъ въ себѣ десятка два деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ живутъ желѣзнодорожные и портовые служащіе. Окрестности Узунъ-Ада, съ точки зрѣнія туриста, далеко не живописны: глазъ видитъ однообразную желтую равнину туркестанской пустоши, нанесенные вѣтромъ кучи песку, дюны, и лишь вдали видѣются гряды горъ, позлащенные лучами солнца.

Надъ устройствомъ этой бухты и соединительною 20-ти верстною вѣтвью, соединяющею ее со ст. Молла-Кары, проходящею все время по сыпучимъ и мѣстами переноснымъ пескамъ, не мало пришлось поработать и вынести солдату. Но этотъ воинъ-работникъ, воздвигающій одинъ изъ блестящихъ памятниковъ нынѣшняго царствованія, все внесъ, многое еще вынесетъ, какъ самъ это говорить:

«Ты желѣзная дорога
Много стоишь намъ труда,
Но за Царское спасибо
Мы готовы хоть куда!»

П. С. Васильевъ.

Въ недобрый часъ.

(Легенда недавняго происхожденія).

Въ селѣ Заколѣннѣ жилъ старикъ Савелій, съ своей старухой Ульяной и единственнымъ сыномъ Данилой. Старикъ былъ человекъ тихій и богобоязненный, старуха характера крутого и скорая на слова. Не подступайся къ ней, когда она занята дѣломъ, не отвлекай ее отъ работы, не то бѣда: такъ и обсыпать бранью да руганью. Если станешь перечить ей — бѣда, не подобишь въ-время — бѣда, если что не по ней — бѣда; худое слово какъ разъ сорвется съ языка, да какое еще! Такое, какого въ крещеномъ мірѣ и произносить не слѣдуетъ, такое слово, которое добродушному христианину и на умъ не придетъ.

Старикъ часто усмирять ее: — Побойся ты Бога, пожалѣй свою душу! Не знаешь развѣ, что отъ оныхъ словъ человекъ худо бываетъ, и самому худо и тому худо, на кого то слово упадетъ. Не знаешь развѣ, что не всякій часъ ровень, и дьяволъ невидимо рыцетъ по бѣлу свѣту, какъ лютый звѣрь, и высматриваетъ, кого-бы уловить въ свой часъ. Какой это часъ, никому не вѣдомо, только искони извѣстно, что предоставленъ ему такой часъ, можетъ и одинъ въ тысячу лѣтъ, но могучъ онъ въ этотъ часъ! Коль застанетъ онъ тебя на молитвѣ, да за добрымъ дѣломъ, да съ именемъ Бога на устахъ, не коснется онъ тебя и прочь отбѣжитъ, а коли застанетъ за худымъ дѣломъ или съ худымъ словомъ на языкѣ, или имя свое въ тотъ часъ услышитъ, остановится онъ около тебя и закричитъ твое слово своею силою.

Старуха не вѣрила; въ добрую минуту она насмѣхалась надъ старикомъ, а въ худую такую бранью осыпала его, что онъ только перекрестится и уйдетъ отъ нея.

Такъ они жили много лѣтъ и ничего не случалось; но вотъ стоитъ старуха на дворѣ и доить корову и все посматриваетъ на плетень: его вечеръ съ одного бока вѣтромъ обрушило и свинья, пробравшись на огородъ, подкапываетъ овощи. Наказывала старуха Данилѣ исправить плетень, да онъ не послушалъ: успѣю и завтра! ушелъ онъ съ утра, да такъ и нѣтъ его до заката. А вотъ и Данила. Идетъ пошатывается, вернулся подъ хмелькомъ, дѣло праздничное. Вскипѣла старуха, еще пуще вскипѣла, какъ разглядѣла, что онъ хмельной и ну его чествовать, а онъ стоитъ, ни слова, только посмѣивается, будто и не слышитъ.

Разъярилась старуха и сказала свое слово, которое въ крещеномъ мірѣ ни говорить, ни вспоминать не слѣдуетъ, да еще прибавила: «чтобъ тебѣ пусто было, чтобъ мнѣ тебя окомъ не видать, чтобъ тебя черти съ глазъ моихъ унесли!»

Смотритъ, нѣтъ Данилы, исчезъ онъ, датакъ вдругъ исчезъ, будто съвозъ землю провалился. Она его окликнула; ни отвѣта, ни привѣта, только корова какъ-то жалобно замчала и шархнула отъ нея. Она за ворота, — нѣтъ Данилы, оглядѣлась на всѣ четыре стороны, нигдѣ его не видно — исчезъ Данила. Идетъ по улицѣ старикъ Савелій, она ему: «не попался-ли сынъ?» — «Да онъ домой пошелъ», вотъ сейчасъ на моихъ глазахъ въ ворота входилъ... Слышала я какъ ты бранилась, какое слово сказала и не хотѣлъ я за нимъ вслѣдъ войти. Эй Ульяна, худое слово! Помилуй Богъ хоть-бы не въ тотъ добрый часъ!»

Ульяна грохнулась о землю: она вдругъ поняла, что слово ей сбылось и сынъ ея исчезъ.

Прошелъ день, прошелъ другой, нѣтъ Данилы; народъ сталъ дивиться; старики сокрушаются, пронесся слухъ по селу, что случилось что-то недоброе. Спрашиваютъ стариковъ: онъ крестится, она заливается горячими слезами, а отвѣта нѣтъ. Пришелъ батюшка провѣдать горемычныхъ; ему Ульяна все повѣдала. — «Плохо, плохо, говорятъ батюшка, согрѣшила ты, Ульяна, моли Господа, чтобъ простилъ онъ тебѣ грѣхъ твой и вернулъ тебѣ сына».

И пошли старики по святымъ мѣстамъ, пошли ко святымъ угодникамъ. На свою грѣшную молитву Ульяна не надѣется, чтобъ дошла она до Бога, — молить угодниковъ, чтобъ за нее молитвенникамъ были передъ Господомъ. Много они монастырей обошли, много святыхъ мѣстъ посѣтили, и къ Покрову вернулись съ своимъ горемъ домой. Зажили они опять одиноко въ своей хатѣ; народъ отъ нихъ сторонится, никто къ нимъ не заходитъ, только батюшка отъ времени до времени навѣдывается, да утѣшаетъ ихъ надеждой, что пути Божіи неисповѣдимы и милость Его сильнѣе вражьей силы. Молится старикъ денно и понощю, не поворачивается у него языкъ попрекнуть старуху, которая убивается и молчитъ; не то что худого слова, теперь и никакого слова отъ нея не слышно, будто зарокъ на себя положила молчать и молчать...

Такъ дожили они до послѣдняго дня широкой масленицы. На улицѣ гуляетъ народъ; то слышна громкая, разгульная пѣсня, то брань и ссора подгулявшихъ, то колокольчикъ и бубенцы проѣзжей тройки прозвонятъ, то гармонія, то бала-лайка... Старикъ въ своей хатѣ молится, старуха плачетъ. На улицѣ все стихло; гулянье кончилось, народъ разошелся по избамъ; въ тишинѣ ночной прогудѣлъ церковный колоколь,

ИЗДАНИЕ ВЪСВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

29 апрѣля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р. — к.
 » съ доставкой въ С.-Петербургѣ . 5 » 50 »
 » съ пересылкою во всѣ мѣстности
 Россійской Имперіи 6 » — »
 » за границу 8 » — »
 Отдѣльный № въ С.-Петербургѣ—15 к., съ пересылкою
 во всѣ города—21 коп.
 Объявленія принимаются по 30 к. за строчку нонпареля.
 За перемѣну адреса петербургскаго на иногородный и
 иногород. на петербург.—1 р.; иногор. на иногород. 28 к.
 (Необходимо прилагать старый печатный адресъ).

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№. 18.

1890.

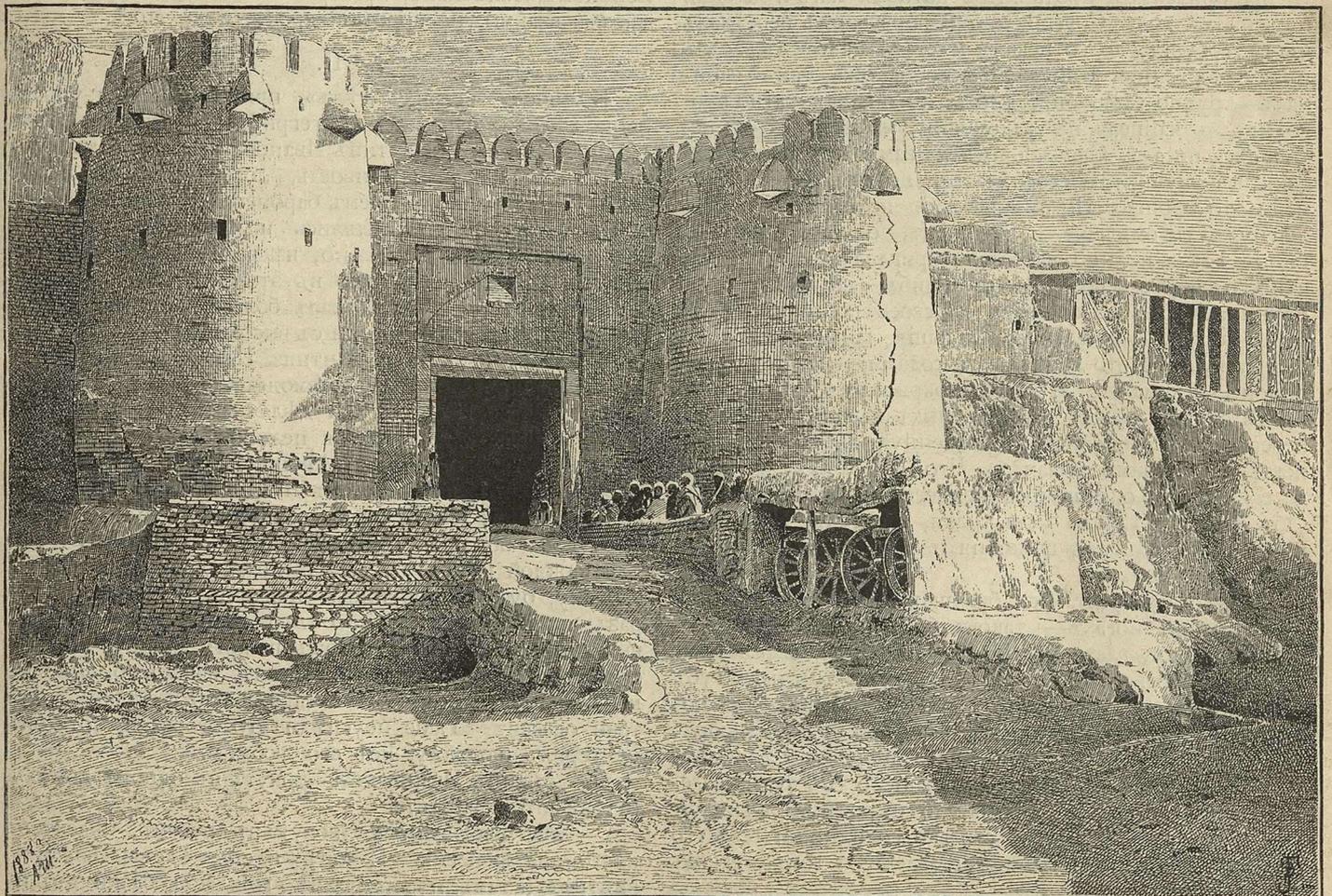
Рукописи и письма, присылаемыя въ контору, долж-
 ны сопровождаться полной подписью и адресомъ отпра-
 вителя.

Возвращеніе мелкихъ статей и стихотвореній для
 редакціи необязательно. Большія литературныя произ-
 веденія возвращаются только въ случаѣ получения кон-
 торой денегъ на обратную пересылку.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ
 10 до 6 часовъ.

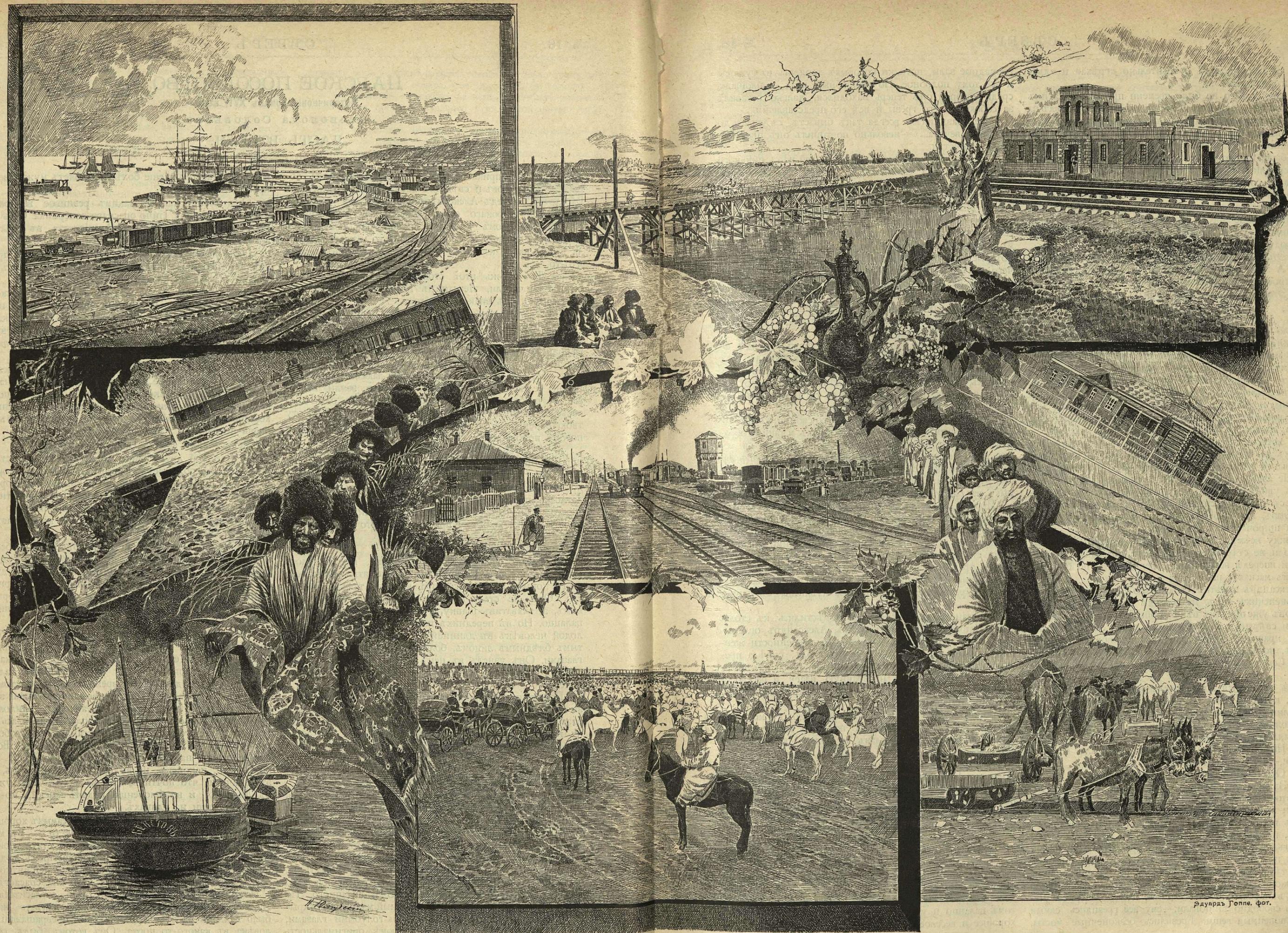
Для личныхъ объясненій редакція открыта по пе-
 недѣльникамъ, отъ 3 до 5 часовъ.

Подписка на 1890 г. продолжается. Контора: Спб., Екатерининская, № 4.

Ворота Дервазъ-Имамъ въ Бухарѣ.

Рисоваль А. Шильдеръ.

Эдуард Гоппе. фот.

1) Портъ Узунъ-Ада. 2) Мостъ черезъ Мургабъ. 3) Типъ рабочей казармы. 4) Цистерна на станціи Бами. 5) Кизиль-Арватъ. 6) Домъ начальника дистанціи. 7) Желъзно-дорожный пароходъ «Бекетовъ». 8) Открытіе моста на Аму-Дарьѣ. 9) Транспортъ при постройкѣ дороги.

Закаспійская желъзная дорога.—Рисоваль Н. Юмудскій.